

*Моей жене Квинтерии,
которая всегда верила*

Я сижу в кабинете директора школы. Опять. Сам директор Меррит — я вижу его через стеклянную дверь — в коридоре, с мамой Эмили Грант. Она так вопит и машет руками, будто я какое-то преступление совершила, а не просто оттолкнула Эмили, когда та заступила мне дорогу. Наша маленькая принцесса возникла прямо передо мной, и я лишь слегка ее подвинула. Не моя вина, что Эмили не удержалась на ногах и плюхнулась на попу у всех на виду.

Эмили маячит за спиной миссис Грант в окружении своей свиты; они шушукаются о чем-то, прикрывая рты, и поглядывают на меня сквозь стекло. Наверное, ждут не дождутся, когда я останусь одна. Я откидываюсь на стуле так, чтобы убраться из их поля зрения. *Ну, Атари, в этот раз ты попала.*

Над столом директора висит фотография темнокожего мальчика. Я смотрю на нее и невольно хмурюсь.

Это Квинтон, и в руках у него приз за победу в математической олимпиаде штата. На фото не видно, но мы с мамой стоим за сценой и радуемся за него.

Сейчас в моей жизни маловато поводов для радости.

Дверь наконец распахивается, и миссис Грант влетает в кабинет. Эмили не отстает от нее ни на шаг. В мою сторону они даже не глядят и сесть стараются как можно дальше от меня. Их неприязнь словно заполняет все свободное пространство. Я в ответ хмурюсь еще сильнее и скрещиваю руки на груди — наши чувства взаимны.

Затем в кабинет входит мама в синей больничной форме. Опять ей пришлось из-за меня отпрашиваться с работы. Я выпрямляюсь, готовая оправдываться, но у мамы такое выражение лица, что слова застревают в горле.

Директор Меррит последним садится в кресло и обводит присутствующих усталым взглядом.

— Я знаю, что девочки не ладят, — говорит он, — но поскольку сегодня последний учебный день...

— Я требую, чтобы ее лишили стипендии! — перебивает его миссис Грант. — Я плачу школе не за то, чтобы на мою дочь нападали в коридорах!

— Нападали? — вспыхиваю я, но мама жестом велит мне молчать.

— Амари прекрасно знает, что не стоит лезть в драку, — говорит она. — Но это зашло слишком далеко. Ваша дочь и ее подруги задирали Амари с первого дня в школе. А отвратительные сообщения, которые они присылали ей в соцсетях? Мы даже думали удалить аккаунты Амари.

— И мы вмешались сразу же, как только нас поставили в известность, — замечает директор. — Все девочки получили письменные выговоры.

— А как насчет того, что они говорят мне в лицо? — Я подаюсь вперед, чувствуя, как горят щеки. — Что меня тут держат из жалости. Что я не могу сама заплатить за обед. И что таким, как я, в этой школе не место.

— Потому что это правда! — вмешивается Эмили.

— Тихо! — одергивает ее миссис Грант.

Эмили в ответ закатывает глаза, а миссис Грант встает и поворачивается к моей маме:

— Я обязательно поговорю с дочерью о ее поведении. Но ваша позволила себе распускать руки, и я могла бы подать на нее в суд. Скажите спасибо, что это все не пойдет дальше кабинета директора.

Мама явно сдерживается из последних сил. Интересно, миссис Грант в самом деле может подать на нас в суд? Ведь вся школа видела, что произошло.

— Идем, — велит дочери миссис Грант, и они вместе направляются к двери.

Уже на пороге миссис Грант оборачивается:

— Когда стипендия этой девочки будет отозвана, я хочу первой узнать об этом. Иначе на следующей встрече родительского комитета нам будет о чем поговорить.

Дверь с грохотом захлопывается за ними.

Я так злюсь, что едва могу усидеть на месте. Это несправедливо! Людям вроде Эмили и ее мамы не понять, каково жить в бедности. Богачи могут творить что угодно и не беспокоиться о последствиях, пока остальным приходится просчитывать каждый шаг.

— Вы действительно лишите Амари стипендии? — тихо спрашивает мама.

— Мы очень серьезно относимся к случаям физического насилия. — Директор Меррит опускает глаза. — Правила школы требуют, чтобы Амари исключили. Лишение стипендии в данном случае — лучший вариант.

— Понятно, — обреченно вздыхает мама.

На смену злости приходит стыд. Мама и так горюет из-за Квинтона. Нельзя было расстраивать ее еще больше только потому, что я не могу справиться с парочкой задир.

Директор Меррит поворачивается ко мне.

— Я знаю, после исчезновения Квинтона вам пришлось... нелегко. Он был отличным парнем, его ждало блестящее будущее. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы связать случившееся с твоим братом и твои проблемы с поведением, Амари. Если хочешь, я устрою тебе встречу со школьным психологом. Совершенно бесплатно.

— Не нужен мне ваш психолог.

— Но ты должна поговорить с кем-нибудь о своем гневе, — хмурится директор.

— Знаете, почему я толкнула Эмили? Она решила, будет забавно сказать, что Квинтон умер. Отличная шутка, правда? Только он жив. И плевать, что другие говорят. Когда я его найду, мы еще всем покажем!

Я дрожу, по лицу текут слезы. Директор молчит, а мама медленно встает и обнимает меня.

— Иди в машину, малышка. Подожди меня там.

* * *

Домой мы едем в молчании. Квинтон пропал почти полгода назад, но кажется, это произошло совсем недавно. Словно он только вчера звонил маме и обещал приехать на Рождество. Такое случалось нечасто — после школы Квинтон нашел какую-то очень крутую работу, о которой никому нельзя было рассказывать, и вечно был занят.

Я, конечно, тут же всем разболтала, что Квинтон стал супершпионом вроде Джеймса Бонда. Сам он,

услышав такое, обычно улыбался едва заметно и говорил: «Малышка, ты вроде бы и не права, а вроде бы и права». Но спрашивать подробности было бессмысленно, он только смеялся и обещал все объяснить, когда я стану старше.

Понимаете, Квинтон у нас *по-настоящему* умный. Он был лучшим выпускником Академии Джефферсона, и сразу два университета Лиги Плюща пригласили его учиться, пообещав полную стипендию (а это очень, очень круто!). Но Квинтон их приглашения отклонил и пошел работать в свою секретную организацию. Уверена, что из-за этой работы он и пропал без вести. Но когда мы с мамой поделились своими соображениями с полицейскими, они посмотрели на нас как на сумасшедших.

Им хватило наглости сказать нам, что, по их данным, Квинтон был безработным. Во всяком случае, никаких налогов он не платил. Вот только это не могло быть правдой. Он никогда не стал бы врать о таких вещах. И помогал нам деньгами. Мама рассказала полицейским и об этом, но они предположили, будто Квинтон ввязался во что-то незаконное и не хотел нам признаваться. Я даже не удивилась: люди всегда начинают подозревать тебя во всех смертных грехах, стоит им узнать, что ты вырос в бедном квартале Роузвуде.

В который, к слову, мы только что въехали, с лязгом преодолев железнодорожный переезд. Честно говоря, побывав на другом конце города, уже не захочешь сюда возвращаться. Академия Джефферсона и большие разноцветные дома вокруг нее будто принадлежат другому, яркому миру. В Роузвуде все серое. За окном мелькают магазины, где торгуют алкоголем, и ломбарды; под дорожным знаком толпятся ребята из местной банды. Они поглядывают по сторонам с ленивым превосходством.

Среди них я замечаю Джейдена. Мы учились вместе в начальной школе, а теперь он торчит тут с парнями постарше, и на шее у него болтается здоровенная золотая цепь. Узнав нашу машину, он улыбается мне.

Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но, кажется, выходит не слишком убедительно. Мы почти не общаемся с тех пор, как Квинтон пропал, а Джейден связался с этой компанией, хотя обещал моему брату держаться от них подальше.

Мама паркуется у многоэтажки, где мы живем, и закрывает лицо руками, чтобы я не видела ее слез.

— Эй, все в порядке? — испуганно спрашиваю я.

— Прости, малышка, кажется, я тебя подвела. Пропадаю в больнице по двенадцать часов пять дней в неделю. А ведь тебе нужно с кем-то поговорить.

— Мам, да ничего. Я же знаю, тебе приходится брать столько смен.

— Не хочу, чтобы ты надрывалась на работе так же, как я, — качает головой мама. — Стипендия Академии Джефферсона была твоим билетом в лучшую жизнь. Видит бог, сама я не смогу отправить тебя учиться в хороший колледж. Не знаю, как теперь быть.

— Прости, мам, но они бы меня все равно не приняли. — Я складываю руки на груди и отвожу взгляд. Да, моему брату удалось стать своим в Академии, но я не он. — Я не Квинтон.

— Я и не прошу тебя им быть. Просто попробуйся, пожалуйста. Благодаря этой школе тебе открылся бы огромный мир за пределами нашего района. Новые возможности, новые горизонты. — Мама вздыхает. — Знаю, это несправедливо, но ты бедная темнокожая девочка из Роузвуда, и некоторые люди будут думать, будто уже все про тебя знают. И тебе придется доказывать им, что они ошибаются.

Я молчу. Все это мы обсуждали уже миллион раз.

— Когда ты не буянишь в школе, то часами сидишь за компьютером. Это вредно, Амари.

Да-да, она права. Вот только сложно сосредоточиться на учебе, когда за твоей спиной вечно перешептываются. А за компьютером я сижу, потому что выкладываю фотографии Квинтона на всех доступных сайтах. Надеюсь, этим я хоть как-то помогаю его найти. Знаю, шансов мало, но я цепляюсь за любую возможность.

— Когда вернешься домой, просунь свой ноутбук под дверь моей комнаты и забудь о нем.

— Но мам!

— Даже слушать ничего не хочу, — отмахивается она. — Пока ты не начнешь серьезнее относиться к своему будущему, компьютер останется у меня. Поговорим об этом завтра. Мне пора возвращаться в больницу.

Я выхожу из машины и возмущенно хлопаю дверью. А потом, не оглядываясь, иду к подъезду. Что же мне теперь делать?

* * *

Зайдя в квартиру, я падаю на диван и зарываюсь головой в подушки. *Худший* день в моей жизни.

Полежав немного, я со стоном переворачиваюсь, сажусь и достаю из рюкзака старый, потрепанный ноутбук. Квинтон выиграл его на какой-то международной научной олимпиаде примерно вечность назад. И отдал мне после того, как через год выиграл другой, получше.

Экран не загорается, но это и неудивительно. Я открываю и закрываю ноут несколько раз, но все без толку. Кажется, сегодня он не в настроении. Отложив беднягу

в сторону, я иду в кухню в поисках еды, чтобы успокоить разворчавшийся желудок.

Однако ноутбук не включается и после обеда. Тогда я закрываю глаза и прижимаюсь к нему лбом.

— Мама заберет тебя и неизвестно, когда отдаст. Пожалуйста, включайся.

На этот раз экран тут же вспыхивает. Слава богам!

Бесплатный городской вайфай едва тянет, но я все равно успеваю разместить фото Квинтона примерно на дюжине сайтов.

Обычно после этого я проверяю его электронную почту (пароль я подобрала уже давно: «Великолепная Амари», супергеройское имя, которое я придумала еще в детстве). Но сегодня любопытство побеждает, и я лезу на страничку Эмили Грант в инстаграме*. Интересно, она что-нибудь выложила? Ну конечно, там красуется мое фото с подписью: «Летние каникулы. И знаете что? Мы наконец-то избавили школу от мусора. Ее исключили!»

Ниже множество комментариев от других учеников. Мне хватает нескольких, чтобы захлопнуть ноутбук: «Нам тут такие не нужны», «Говорят, она ворует из шкафчиков», «Стоило дождаться, пока помрет ее придурок-брат».

Меня не исключили, и мой брат не умер. Стиснув зубы, я снова включаю ноутбук, чтобы заставить их заткнуться, но наверху экрана выскакивает уведомление. Я сижу, оцепенев. Письмо. В почте Квинтона.

1 новое сообщение. От: Тайная доставка

* Здесь и далее: деятельность метаплатформы Meta Platforms Inc. и ее соцсетей Facebook и Instagram запрещена на территории РФ и признана экстремистской.

Казалось бы, что тут такого. Вот только Квинтону никогда никто не пишет. Я проверяю его ящик каждый день с тех пор, как подобрала пароль.

И я открываю письмо.

«Посылка доставлена.

Вы получите еще одно сообщение, как только Амари Питерс поставит свою подпись.

Благодарим за то, что воспользовались услугами «Тайной доставки». Наши адресаты всегда получают то, что им причитается, знают они об этом или нет.

Письмо будет уничтожено через 3... 2... 1...»

Письмо исчезает.

Я подсакиваю от удивления. Оно что, правда?..

И где я должна расписаться?

В следующий миг раздается громкий стук в дверь.

А следом:

— Доставка!

Я бросаюсь к двери и распахиваю ее настежь. На пороге, сгорбившись, стоит какой-то мужчина в лохмотьях. Я высовываюсь в подъезд, чтобы посмотреть, нет ли там кого. Но в коридоре пусто. И где же курьер?

— Привет, — говорит вдруг незнакомец, не поднимая головы. — Можете уделить мне минутку?

Мне немедленно становится стыдно за то, что я не обратила на него внимания.

— У меня нет денег. Но в холодильнике есть готовая еда, ее нужно только разогреть. Просто мама еще не ходила за продуктами.

— Очень любезно с вашей стороны, но я только что пообедал в роскошном ресторане.

— А, так вы не бездомный!

— Бездомный? О небо, конечно нет.

Тут он наконец поднимает голову, и я вижу аккуратную седую бородку. Оказывается, все это время незнакомец смотрел в свой планшет.

— Почему вы так решили?

— Да просто... — бормочу я, косясь на его залатанную одежду.

Заметив это, мужчина густо краснеет.

— К вашему сведению, мой наряд — последний писк моды в... кхм, забудьте. Вы случайно не Амари Питерс?

Ничего себе! Я невольно отступаю.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Вот тут указано ваше имя, — тычет он пальцем в планшет. — Просто распишитесь в получении, и я отправлюсь дальше.

— Так вы... курьер? — недоверчиво спрашиваю я. — И у вас для меня посылка?

— Ага. — Он поворачивает планшет экраном ко мне. — От К. Питерса.

— Хотите сказать, вы привезли мне что-то от брата?

— Именно так. Если К. Питерс — ваш брат. Он отправил вам набор «Открой новые горизонты».

Горизонты? Те, о которых говорила мама?

— Вы шутите?

— Не думаю, — хмурится курьер. — Доставка, конечно, не основная моя работа, но я отношусь к ней очень серьезно.

— Ладно. Что бы вы ни принесли, я готова это забрать. — Тут я понимаю, что в руках у незнакомца нет ничего, кроме планшета. — Но где посылка?

— Боюсь, сначала вы должны поставить подпись.

Он протягивает мне планшет, и я не слишком аккуратно расписываюсь пальцем в нужном месте на экране. А потом выжидательно смотрю на курьера.

— Итак?

Он снова жмет на экран.

— Ваша посылка в шкафу в старой спальне К. Питерса.

— Вы что, заходили в квартиру?

— С разрешения К. Питерса, разумеется, — подтверждает курьер, затем громко прочищает горло. — А теперь, боюсь, я должен забрать ваше воспоминание о нашей встрече. Видите ли, «Тайная доставка» чрезвычайно гордится умением хранить анонимность своих клиентов. Не беспокойтесь, вы все равно сможете получить обещанное. Вскоре вас посетит внезапное и непреодолимое желание разобраться в нужном шкафу. Там вы и найдете посылку.

— Что вы хотите забрать? — Я делаю еще шаг назад.

— Всего одно воспоминание.

Курьер достает из кармана устройство, напоминающее пульт от телевизора. Потом снова проверяет что-то на планшете.

— Ох. Прошу прощения. Ваше имя есть в списке Нетронутых Воспоминаний. Должно быть, его туда внес кто-то из Управления. Ах, лучшие тридцать лет моей жизни. Что ж, всего доброго!

Я только моргнула, а он уже исчез. Да что тут происходит?

И что спрятано в шкафу моего брата?

* * *

Хотя прошло уже полгода после исчезновения Квинтона, я все еще невольно надеюсь услышать его возмущенный вопль, когда без спроса врываюсь к нему в комнату. Внутри ничего не изменилось: мятые постеры рэперов соседствуют с фотографиями Стивена Хокинга